

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

С-16271А

№ 77 (3888) Суббота, 28 ИЮНЯ 1958 г.

Коммунизм, это — молодость мира, и его возводит молодым.

В. МАЙКОВСКИЙ

Юности нашей страны

Очень хорошо, что у нас начали отмечать День советской молодежи. Она этого вполне заслуживает. Освоение целинных и залежных земель, гигантские новостройки Сибири и Дальнего Востока — да мало ли примеров победоносного вторжения молодого поколения в жизнь великого Советского Союза!

А сколько появилось за последнее время новых молодых талантов во всех областях культуры и искусства! Десятки и сотни новых выдающихся поэтов, музыкантов, артистов, режиссеров, художников, спортсменов.

Для всех нас, людей старшего поколения, это особенно радостно. Наша эстафета передана в верные руки, юные руки.

Гордитесь тем, что вы — молодые граждане Советского Союза. Радуйтесь своим успехам. И, конечно, не забывайте.

Крепко жму ваши золотые руки, дорогие мои друзья!

Валентин КАТАЕВ

Сердечно поздравляю молодое поколение Родины с его праздником — Днем советской молодежи!

Молодежь — надежда и будущее страны. Это должен помнить каждый молодой гражданин и чувствовать свою огромную, трудную и почетную ответственность за это будущее.

Вы живете и растете в годы величайшей борьбы за перестройку мира, за победу жизнеутверждающего и обновляющего мир учения, претворенного в нашей стране в живое дело жизни Коммунистической партии, которую привел к Великому Октябрю гений Ленина.

На Третьем съезде комсомола Владимир Ильич призвал молодежь упорно учиться, овладевать знаниями, растить науку и культуру Родины. Учение должно совмещаться с жизненным поведением, достойным большевика.

У нас не всегда умеют уважать старость, уважать женщину, уважать и по-настоящему ценить хорошую человеческую дружбу. Забываящие об этом вред ли могут претендовать на имя культурного человека. Вопросы коммунистической морали и этики — коренные вопросы для подрастающего поколения. В этом отношении Комсомол должен показывать пример и вести за собой всю молодежь, как вел он ее всегда в ученье и в труде.

Желаю всем молодым гражданам Родины больших и плодотворных успехов во всех областях жизни!

Борис ЛАВРЕНЕВ

От всего сердца приветствую молодежь нашей великой социалистической страны! Молодежь любит мечтать, смело и вдохновенно смотреть навстречу будущему.

Какие счастья дано молодежи страны Советов! Не только мечтать, но и осуществить, превратить в жизнь самые яркие, дерзновенные свои мечты!

От всей души желаю вам, молодым людям Советской земли, на всю жизнь сохранить молодость вашей души, восторженный порыв, смелость и дерзание — ведь вам, друзья, историей поручено завершение строительства коммунизма. И вы его построите.

Вилас ЛАЦИС

Пусть мир, построенный нашим поколением, молодежь сделает лучшим, более базисным для потомства, чем тот, который оставляем своим детям мы. Пусть она завершит этот новый мир, в величайших черновиках унаследованный от нас. Пусть все ее помыслы будут подчинены тому, чтобы был создан более точный, более совершенный инструмент, которым делается человеческое счастье.

Но надо быть достойным этого счастья. Для этого необходимо жить и работать без ошибок, необходимо стремиться не к явным, обманчивым прелестям бытия — или, к сожалению, обобщаются сейчас многие, — а к тем большим основным сокровищам духа и творчества, которыми была создана, изваяна вся бесценная нынешняя человеческая цивилизация.

Леонид ЛЕОНОВ

За сорок лет существования Советской власти я всегда видел, что наша жизнь сплавилась людей разных поколений. Из молодых и старых она одинаково делала героев. Да будет с каждым днем все крепче и неразрывней эта могучая связь, соединяющая дедов и отцов, внуков и правнуков. Хочется сказать словами Блока: «Революционный держите шаг!»

В этом вся наша сила, наша вечная молодость.

Николай НИКИТИН

Может быть, я высказываю мысль странную, неприятную для кого-нибудь и не совсем праздничную, но это только будет внешним впечатлением. Мне давно хотелось это высказать.

Мысль эта состоит в том, что в наше время для нашей советской молодежи главный жизненный упор, жизненная идея, весь пафос должны в первую очередь сосредоточиваться на том, чтобы трудиться, сочетая учебу с трудом.

Школы, вузы, всяческие вечерние, заочные учебные учреждения чересчур щедро предлагают молодежи громадный поток знаний, но с той жизненной основой, с которой я начинал уже в 14 лет, — с трудом — дело обстоит как-то хаотично, случайно и не совсем почетно.

Не стану распространяться — молодежь знает, о чем я говорю. Она у нас светлая, чистая, честная и, главное, мобильная, жизнедеятельная. Она сумеет уравновесить труд и образование с тем упором, чтобы знакомиться с жизнью гораздо раньше, чем многие юноши и девушки знакомятся теперь.

И про нашу писательскую, литературную молодежь хочу сказать, что к ней мои простые мысли надо бы превратить в жесткие требования. Сколько неглубоких, неотделанных вещей читаем мы и в рукописях, и в печати! И все это оттого, что, может быть, хорошо учатся и плохо трудятся.

Николай ПОГОДИН

Что можно пожелать советской молодежи в день ее праздника? Она живет в правдоподобное время величайшего преобразования окружающего человека мира, в ее руках огромнейшие достижения и открытия человеческого гения, все, чем владеет сегодня новейшая наука и техника. Перед ней в жизни открыты все дороги, любой талант может развернуть свою силу на пользу родной стране.

Девушки и юноши нашей Родины являются творцами настоящего, строителями будущего. Это представители героической смены легендарных отцов и дедов, им надлежит нести революционные традиции в глубину коммунистического, не такого уже далекого, расцвета жизни на земле.

Эта молодежь показала, что она достойна выпавшего ей на долю высокого жребия — представлять в историческом движении великих передовых идей, победоносно сметающих с дороги темное прошлое.

Эта молодежь может быть суровой, сосредоточенной, переносившей мужественно самое жестокое испытание в жизни. Эта молодежь полна света и радости, может веселиться, может петь и танцевать, как никто в мире. Ее моральное здоровье велико, есть нравственные силы неистощимы.

Я хочу пожелать молодым энтузиастам, чтобы в ежегодный День советской молодежи, среди всех карнавалов, разноцветных огней, праздничных брызг иск и фейерверков, блеска песен, среди счастья молодости, сверкала, как дождь на спутники праздника, новые достижения советских юношей и девушек — на смотре талантов, на смотре трудовых успехов, яркие огни новых деревень во всех областях нашей жизни, чтобы молодому счастью сопутствовало молодое, искрящееся, безграничное вдохновение, победа, торжествующая юность цветущей советской земли!

Николай ТИХОНОВ

ЗАВТРА — ДЕНЬ СОВЕТСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Таким открыты двери настает — Они пойдут в ряды друзей — Растите, ковать и строить счастье Под небом Родины своей. Фотохудож. А. Япина

В дружбе с мечтой и романтикой

Ирина ГОЛОВАНЬ

ХЛОПНУЛА дверь в подполье, трое вышли на улицу. Трое юношей, внешне друг с другом вовсе не схожих, но как бы объединенных некоторой праздничностью и в костюмах, и в выражении лиц. Дело ясное — приятели собрались вместе провести где-то субботний вечер. А где именно? И как? План, как видно, уже составлен: вон один из парней озабоченно взглядывает на часы и торопит товарищей...

В калейдоскопе сценочной уличной жизни промелькнула — всего на мгновение — и эта. Почему-то она оживила в памяти эпизод, связанный с первыми послевоенными годами. В рабочем клубе за бывшей Нарвской заставой кто-то из членов театрального самодеятельного коллектива принес с собой на репетицию только что вышедшую книжку австралийского публициста Мандера «От шести вечера до полуночи». Вслушались проницательные некоторые выдержки и... репетиция в тот вечер началась с ирландского опоздания: возник неожиданный, но очень горячий разговор.

по встретить читателей, по крайней мере, пяти библиотек района. Все же сами ребята настояли, чтобы здесь, на Балтийской, была бы шестая — пусть маленькая, но своя. И, просматривая формуляры, узнаешь тут и о сварщиках, увлекающихся литературой о театре, и о грузчиках, прилепившем в последнее время на учебники и книги по технике...

В том большом новом здании, заселенном всего несколько лет назад, живет больше тысячи молодых рабочих Кировского завода. Живут не плохо: комнаты уютны и небольшие. Есть особые помещения для учащихся, телевизоры, красный уголок, который правильно было бы назвать маленьким клубом. Но среди тысячи человек — люди с самыми разными вкусами, склонностями и интересами. Вот и родился идея — рассказать обо всем этом языке кинофильма.

Довести дело до конца пока не удалось — помешала экзаменационная сессия. Какое отношение имеет она к рабочему обществу? Да самое непосредственное. — в школе, в техникуме или в институте, не учиться здесь, вероятно, каждый третий. Боясь назвать точные цифры, во всяком случае, полки с учебниками можно увидеть в каждой комнате. И если один еще не остыл от волненья экзаменов на аттестат зрелости, то у других в разгаре сессия в вузе, а третьи уже готовятся к осенним приемным испытаниям в то или иное учебное заведение.

Надо полагать, что в фильме о досуге молодых кировцев будет рассказано и о кружках в общежитии — шахматах, фотолубительском, музыкальном, — примечательных прежде всего тем, что руководят ими сами ребята. А эскадрилья в красном уголке, загорелые поэтики, экскурсия в музей, посещение театров и кино?

Но, пожалуй, самое важное — суметь показать боевой, наступательный дух, живущий в сердцах большинства молодых кировцев из общежития, тот боевой дух, который заставляет их воевать с душевной ленностью, вялостью, равнодушием, пустой тратой драгоценного времени, который побуждает их мечтать о своем радиозаушке, своей киноустановке в общежитии, который, наконец, подкасал самую идею сценария. Вот если это показать удастся, то все действительно будет в фильме «совсем по-честному».

Самодельные артисты, собравшиеся в тот вечер в клубе, справедливо полагают, что им-то в сутках принадлежит все двадцать четыре часа. Топарь и девушка-технолог, сварщик и заводской бухгалтер — все они были связаны со своей работой отношениями совсем иного характера, чем те, о которых писал Мандер, и время для кого из них не делалось, конечно, на «свое» и «чужое». Что же касается часов досуга, то в театральной студии большинство членов являлось ветеранами. Они еще в довоенные годы познали здесь первые радости творчества, и вот сейчас — одни после армии, другие после эвакуации, третьи после пережитых тяжелых лет блокады — вновь ввязались за любимое дело. Да, уж «убивать» время эти люди были решительно не способны!

Вообще книги и их читатели должны в будущем фильме по праву занять весьма заметное место. «Мы живем в колдее библиотек», — справедливо заметил Егоров, и в общежитии действительно можно встретить читателей, по крайней мере, пяти библиотек района. Все же сами ребята настояли, чтобы здесь, на Балтийской, была бы шестая — пусть маленькая, но своя. И, просматривая формуляры, узнаешь тут и о сварщиках, увлекающихся литературой о театре, и о грузчиках, прилепившем в последнее время на учебники и книги по технике...

2. О среднем возрасте друзей искусства

Звучит это несколько странно, но объясняется весьма просто. В круглом садике, что на Площади искусств в Ленинграде, на скамейках, окруживших бронзового аннушкинского Пушкина, коротала безудачную ночь очередь за билетами на концерты Стоковского в филармонии. В отличие от всех других очередей на земле, эта не была ни крикливой, (Окончание на 2-й стр.)

Именно потому, что преобладали в коллективе ветераны, а молодых исполнителей не хватало, зашел разговор о молодежи и ее склонностях, разговор о трудовой или, во всяком случае, с вопросительной интонацией.

В конце прошлого года в Венгрии я узнал историю простого крестьянина Шандора Бартоша, председателя кооператива имени Ленина в области Сольнок. Хортисты потребовали, чтобы он снял с здания правления доску, на которой было начертано имя великого вождя. Шандор отказался это сделать, организовал отпор фашистам. Он хотел, чтобы главное имя вдохновляло людей на борьбу, и в этой деревне хортисты получили по заслугам. Вспоминается встреча с партийным работником Карой Шиглером. В октябре 1956 года он и три его товарища заперли в Таллопце районный комитет от нападения двухсот фашистов. За такими людьми, как Бартош, Шиглер, их было немало, — стоял народ, завоевавший право на счастливую жизнь в социалистическом государстве.

Массовые гуляния, карнавалы, концерты, встречи с молодыми поэтами и прозаиками, игры, танцы, песни, фейерверк — чего только не подготовлено для праздничного дня: посадка дерева молодости в Ждановском районе, праздник совершеннейшего преобразования. От Белорусского вокзала и до гостиницы «Советской» появится торговый ряд с палатками, оформленными в старинном русском стиле. Тысячи юношей и девушек Ленинградского и Советского районов выйдут на проспект участвовать в празднике. На десяти открытых эстрадах выступят самодельные артисты.

Льет слезы люди, которые не поколебались залить кровью Вьетнам и Кубу, которые все время то в одном районе мира, то в другом заявляют и ведут жестокие и кровопролитные «малые войны». Они вновь размахивают голубым флагом ООН и готовят газетными заголовками политический трюк — специально выбравшие надежды вернуть Венгрии расколотый лагерь социализма. Ведь для кого не секрет, что государственный секретарь Даллес много раз в своих выступлениях говорил о расчетах западных держав на «подрыв» социалистического строя изнутри.

У меня двое детей, и был пока не очень налажен, и на заре то и дело сверхурочные работашки, но мы с женой оба так и рвемся сюда. А вот смотрю я на парнишек в своем цехе... не танет их что-то ну куда!

Льет слезы люди, которые не поколебались залить кровью Вьетнам и Кубу, которые все время то в одном районе мира, то в другом заявляют и ведут жестокие и кровопролитные «малые войны». Они вновь размахивают голубым флагом ООН и готовят газетными заголовками политический трюк — специально выбравшие надежды вернуть Венгрии расколотый лагерь социализма. Ведь для кого не секрет, что государственный секретарь Даллес много раз в своих выступлениях говорил о расчетах западных держав на «подрыв» социалистического строя изнутри.

В три часа дня на всей огромной территории Центрального стадиона имени В. И. Ленина открылись соревнования по различным видам спорта. На открытых площадках состоятся показательные выступления лучших спортсменов страны. Зрители смогут участвовать в состязаниях на праздничные призы по баскетболу, волейболу, городкам, поднятию гири.

Президенты и перерожденцы Имре Надь, заставивший по утрам своих слуг целовать ему руку, человек, на которого заложена главная ставка империализма, заслужил свой позорный конец. Оплакивая его, Вашингтон и Лондон оплакивают неизбежные надежды вернуть Венгрии расколотый лагерь социализма. Ведь для кого не секрет, что государственный секретарь Даллес много раз в своих выступлениях говорил о расчетах западных держав на «подрыв» социалистического строя изнутри.

1. «Фильм про нас самих»

— Как это вышло и с чего началось, не припомню, но кому-то из ребят пришла в голову мысль написать сцена...

Я С ТОБОЙ НЕ РАССТАНУСЬ...

Юность! Юность! Где твое начало, Где я твой перешагнул порог, Где меня впервые повстречала Даль степных исхоженных дорог?..

Зауралье. Тшина, как омут, Пахнет мятой, и горит репей. Я впервые ужо из дому На свиданье с юностью своей.

До свиданья, Тихий, тальниковый, Предрасветный, Заспанный туман, И река, Что обшла подковой По-старушкин стогрбленный курган. До свиданья, Бес мой васильковский Зауральский Хлебный океан.

Вот стою я, Парень из деревни, У широких заводских ворот, И смотрю на крыш стеклянных гребни — От восторга разеваю рот.

А в груди — Степная перелетка, Слово в клетке, Крыльшками бьет, Вдруг я слышу чай-то колес: — Коляка! Неужели он меня зовет?

Оглянулся, За спиной двое — Был один подросток-желторот. Отчего же счастье им такое — Уходить со смееной на завод.

Мне досадно сделалось. Не скрою — Навернулся тихая слеза — Я опять увидел пред собой Наши колки — русские леса.

И меня Зеленым их магнитом Потянуло в матые края К тальникам над озером, К ракам, К заводи, Что тинистой накрыта, Где корги черные Сердито Из воды торчат, Как якоря.

Мне мила та знобная истома, Там былинка каждая в степи, Выгнутая ветром до излома, Как и в детстве, говорит знакомо: «На меня, старик, не наступи...»

И пошел я вдоль барачных улич, Что сходились к руслу тех ворот. Непривычно, Первый раз сутулясь, Никому не нужным, желторот.

Так я шел — Не юности навстречу, А войне! «...Вернись в деревню, гость...» — Чай-то голос говорил весь вечер, Только мне вернуться не пришлось...

...Цех прокатный. Своды над пролетом Из стекла, Как будто в парнике, Здесь роснина трудового пога По моей скатилась щече...

Так ты, юность, Стала заводской, В потные, военные года. Юность! Юность! Юность! Я с тобою Не расстанусь, слышаши, Никогда!

Я тебя все чаще вспоминаю, А за что, спроси — Так не скажу. Только я тобою, заводская, Комсомольская моя, Простая, До сих пор, Как жизнью, дорожу.

Николай АГЕЕВ

Здравствуй, Праздник!

СВОЙ ПРАЗДНИК сыны и дочери социализма — хлеборобы и шахтеры, химики и текстильщики, нефтяники и сталевары, энергетика и строители — отмечают множеством замечательных дел во славу Родины: более 5,5 миллиарда рублей уже собрано юноши и девушки во Всесоюзную комсомольскую «копилку»; 300 тысяч посланцев комсомола по призыву партии отправлены на стройки Востока, Сибири, Севера и Донбасса; свыше 320 тысяч юных патриотов участвовало в освоении целинных и залежных земель;

площади и проспекты, стадионы и рабочие клубы, дома и дворцы культуры. Ленинградский проспект в воскресенье совершенно преобразится. От Белорусского вокзала и до гостиницы «Советской» появится торговый ряд с палатками, оформленными в старинном русском стиле. Тысячи юношей и девушек Ленинградского и Советского районов выйдут на проспект участвовать в празднике. На десяти открытых эстрадах выступят самодельные артисты.

300 тысяч посланцев комсомола по призыву партии отправлены на стройки Востока, Сибири, Севера и Донбасса; свыше 320 тысяч юных патриотов участвовало в освоении целинных и залежных земель; 300 тысяч юношей и девушек горячо откликнулись на зов Коммунистической партии и пошли на работу в животноводство. Сооружение десятков промышленных предприятий — ударные комсомольско-молодежные объекты.

Массовые гуляния, карнавалы, концерты, встречи с молодыми поэтами и прозаиками, игры, танцы, песни, фейерверк — чего только не подготовлено для праздничного дня: посадка дерева молодости в Ждановском районе, праздник совершеннейшего преобразования. От Белорусского вокзала и до гостиницы «Советской» появится торговый ряд с палатками, оформленными в старинном русском стиле. Тысячи юношей и девушек Ленинградского и Советского районов выйдут на проспект участвовать в празднике. На десяти открытых эстрадах выступят самодельные артисты.

ПРАЗДНИК! Какой он будет? Встречи со старыми большевиками, вечера памяти героев комсомола, молодежные карнавалы, массовые гуляния — да каких только интересных дел не придумали для этого дня! И где бы ни находились юноши и девушки — в далеком Заполярье или в степях Казахстана, на Камчатке или в Закарпатье, мысленно взоры всех обращены к Москве: — А каким этот день будет в Москве? — Утро. В голубизне неба — жаркое июньское солнце. В Центральном институте прогнозов нам сообщили, что в воскресенье ожидается 27 градусов тепла. В праздничном убранстве сады и парки,

встречи со старыми большевиками, вечера памяти героев комсомола, молодежные карнавалы, массовые гуляния — да каких только интересных дел не придумали для этого дня! И где бы ни находились юноши и девушки — в далеком Заполярье или в степях Казахстана, на Камчатке или в Закарпатье, мысленно взоры всех обращены к Москве: — А каким этот день будет в Москве? — Утро. В голубизне неба — жаркое июньское солнце. В Центральном институте прогнозов нам сообщили, что в воскресенье ожидается 27 градусов тепла. В праздничном убранстве сады и парки,

ПОЛИТИКА АВАНТЮР, ПОЛИТИКА ПРОВОЛОЧЕК

О. ПРУДОВ

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ деятели, бойкие обозреватели и хорошо оплачиваемые провокаторы усердно раздувают в последние дни на Западе антикоммунистическую, антисоветскую историю. Они льют слезы по Имре Надю и его сообщникам. Горький плач раздается, пишет болгарская газета «Рабочье дело», над реакционной Западной Европой, империалистической Америкой, над Парижем и Лондоном.

Льет слезы люди, которые не поколебались залить кровью Вьетнам и Кубу, которые все время то в одном районе мира, то в другом заявляют и ведут жестокие и кровопролитные «малые войны». Они вновь размахивают голубым флагом ООН и готовят газетными заголовками политический трюк — специально выбравшие надежды вернуть Венгрии расколотый лагерь социализма. Ведь для кого не секрет, что государственный секретарь Даллес много раз в своих выступлениях говорил о расчетах западных держав на «подрыв» социалистического строя изнутри.

пули хортистов. Имре Надь несет за это ответственность, и он получил по заслугам.

Сколько раз после разгрома контрреволюции империалисты пытались поправить свои дела. Сегодня они хотят использовать буланшетский приговор для новой кампании против социалистических стран, против сил мира во всем мире. В этой кампании — много общих черт с шумихой 1956 года. Один и тот же империалистический почерк. Один и те же агрессивные цели. Для чего тогда была поднята мутная антисоветская волна? Чтобы помешать процессу улучшения международной обстановки, чтобы без особых помех провести тройственную авантюру в Египте. Ныне организаторы «горького плача» по Имре Надю стремятся сорвать усилия борющихся мира и сотрудничества и в первую очередь совещание в верхах, они стремятся развязать себе руки для гнусных империалистических актов на Среднем Востоке, в Ливане.

Но полтора года не прошли даром. Мировые силы окрепли, требования покончить с гонкой вооружений, дать миру желанный покой стали более настоятельными. Непопулярность политики «с позиции силы» может сравниться, пожалуй, только с непопулярностью ее главного вдохновителя, взрешающего истину из недр вашигтонской «стуманной ямы». По справедливому определению лидера демократической партии США Эдла Стивенсона, «западный мир никогда не был столь слабым в политическом смысле».

Камни Буланшета хранят преступления клки Имре Надя. Белый террор унес жизни многих замечательных сынов родины. Имре Надь и его хозяева виновны в том, что горе посетило венгерские семьи. Скромная табачница с улицы Ракоци лишилась единственного сына, он был убит хортистами. А в семье старого кадрового рабочего с Чепеля пятнадцатилетний парень — любимец отца, обманутый женой фашистской пропагандой, ушел на Запад, попал в Канаду, на лесозаготовки, трудится от зари до зари за нищенскую плату, трудится, оторванный от родины. Я помню взволнованное лицо одного венгерского врача и его драматический рассказ о специальной палате, организованной в его больнице, палате, где лежали раненые дети, одному из них было семь лет. Этих детей ранили

в конце прошлого года в Венгрии я

(Окончание на 4-й стр.)

С. ЛАРИН

ЭТИ ТРИ томка в ярких переплетках особенно заинтересуют молодых читателей. Юность всегда влечет романтика познания, волнует ее загадочное, неизведанное. Для такого читателя избранные научно-фантастические произведения Александра Белыева, несомненно, будут радостным открытием.

Романы А. Белыева выходили в 20—30-е годы издательскими тиражами. Некоторые произведения его затерялись на страницах тогдашней приключенческой периодики. Последние полтора десятилетия его вещи почти не переиздавались. В буда былые повести и рассказы автора ряда фантастических произведений последовали лет. Критика поспешно раздавала им призы победителей, их книги охотно переиздавали массовыми тиражами, в обложках, изукрашенных всеми цветами радуги. И все-таки именно многие из этих произведений не выдержали испытания временем. Зачтенные же до дыр книжки А. Белыева продолжают привлекать читателей, видимо, потому, что в них была волнующая непосредственность, присущая подлинному искусству.

Конечно, и у Белыева без труда можно найти вещи довольно слабые, вроде «Звезды ЮЭП» или «Чуждое око». И жалко, что именно они попали в трехтомные в ущерб другим, более удачным произведениям, таким, например, как роман «Прыжок в ничто».

Вероятно, составитель «Избранного» привлекал здесь «современность» научных предвидений писателя. Действительно, эти повести кажутся наиболее актуальными. Проблема «чуждого ока» — подводного телевидения — решена учеными. Осуществлены советской наукой и записи первых искусственных спутников Земли, о которых мечтал автор «Звезды ЮЭП». Но пафос научного дерзания, полученный в этих произведениях, к сожалению, не столько художественное, сколько иллюстративное выражение.

По временам и здесь сверкает отличная белая выдумка, но она не спасает положение: в этих произведениях, популярно-научных по стилю, нет главного — большой обобщающей мысли. Героям уготована роль глупов, демонстрирующих изобретения и открытия.

Смешно было бы не понимать, что научная фантастика сильна пафосом познания, являясь своего рода гимном науке, как, например, многие романы Жюль Верна.

По моему мнению, А. Белыеву просто меньше удавались вещи такого рода. Взяв хотя бы «Прыжок в ничто». Страницы чисто популярно-научные — описание межпланетного корабля, его полета в мировое пространство — значительно слабее своеобразной «мистери-буфф», начинающейся на Венере, куда скрывается жалкая кучка беглецов от революции. «Сила подробностей» в рассказе о событиях, которых «никогда не случилось на свете» (особенность таланта, по словам Достоевского, крайне необходимая писателю-фантасту), позволяет Белыеву создать колоритный «звездный» фон, подчеркнуть с пафлотной резкостью неприспособленность и обреченность этих космических эмигрантов. Как значительная сцена, когда они, еще полные иллюзий, набрасываются на драгоценности, которые здесь — на каждом шагу. Намешка судьбы: золото — основа их могущества и благополучия на Земле — теперь оказывается ненужным, бессильным. Даже мрачную пещеру — последнее их пристанище — приходится оживлять собственными силами углов и вскачьской нечисти.

Искусству фантастика, как и любому другому, чужда иллюстративность. И не такие чисто популярно-научные вещи, как «Звезда ЮЭП», «Чуждое око», составили славу отца советской фантастики, лучшие традиции которого продолжены в творчестве И. Ефремова, Л. Лазина и других нынешних наших

А. Белыев. Избранные научно-фантастические произведения в трех томах. Издательство «Молодая гвардия». 1958 г.

ный полос... «Тот самый Федоров» — пересписан Самушкин. «Тот самый. Герой Советского Союза, член-корреспондент Академии наук...»

Самушкин представил себе, как годы назад, еще неизвестный молодой полярник Федоров поднялся на купол острова Хейса и здесь, в море и льду, вел свои наблюдения. Самушкин, захваченный полнотой к запуску ракеты, чуть воспринял строгую заботу Федорова о достоверности наблюдений. «Часы несправны, возможна неточность...»

О, как понимал теперь Самушкин эту заботу! Как-то он возвращался со стартовой площадки, вдруг поднялся пурга, фонари на столбах потагали. Эта внезапная крошечная тьма особенно его поразила.

«Так жили в Арктике.» — подумал Самушкин, с трудом шагая на встречу ветру и снегу и страшась сбиться с дороги. Но тут над радиостанцией загорелся огонек аварийного «антиштурмана», путь, обозначенный частными электрическими столбами, был незаметен; пурга лилась обложно, захватывала дух. А в своей лаборатории, похожей на институтскую, приступая к приборам и схемам, Самушкин всякий раз испытывал иное, глубокое и сильное волнение... Вообще, если вдуматься, Арктика открывалась перед ним еще и с такой стороны, о которой ничего не писалось в книгах. Ведь он не чокнулся от мороза, ему не угрожала чыгма, он не мчался на помощь друзьям, и его никто не собирался спасать. Безмолвная, застывшая Арктика, казалась, с надменным спокойствием выжидала, что предпримут, как подступится к ней эти молодые инженеры, засевшие в своих теплых домиках возле локаторов, радиотелеметрических аппаратов, занятые сборкой не появлявшихся еще под высокими широтами сложнейших устройств.

Сидя в окружении этих приборов, Самушкин готовился к штурму Арктики. Он чувствовал себя во время подготовки к ракетному запуску, как находчик орудия, не смеющий допустить промаха. Рассчитывать на помощь со стороны он не мог, действовать приходилось быстро, осмыслительно и очень точно.

Последние трое суток перед первым стартом ракеты вообще никто уже не спал. Проверили монтаж, приборы,

особенно роману «Голова профессора Доуэля». Здесь столкновение двух направлений научной мысли, двух наук — той, что служит благо человека, и другой, губительной, вредоносной, — выступает с особой силой. Яркое показан изобретение «сальериизма» коварной бездарности Керн. Даже умертвив своего учителя, талантливое хирурга, присвоив его открытие, Керн заставлял и дальше работать на себя голову Доуэля. Керну глубоко неизвестно само имя бывшего научного руководителя. Ведь каждый день существования головы Доуэля, любая оригинальная мысль, высказанная ученым, ежeminутно напоминают олюбленному завистнику о его собственной бездарности.

Да, Керн сам не в состоянии творить или хотя бы продолжать то, что претерпело Доуэлем. В этом Белыев как бы видит мертво бесплодие той науки, которую рассчитывал индивидуалист стремиться использовать для собственного возвышения. Не проиния ли? Первый же «оживленный» им пациент выходит у него из повиновения. Даже у пустой, недалекой певички жалка человеческой свободы оказывается той силой, перед которой падает Керн, в мечтах своих уже поставивший на колени человечество.

Керн «обезглавил» Доуэля еще до начала романа. Между тем именно Доуэль является как бы олицетворением творческих сил науки, ее самоотверженного служения людям. Керн же, в сущности, не более как холодный, бездушный манекен. Недаром так прочно «вписывается» его портрет в панораму огромного моря, где при «матовом свете» Керн чувствовал себя «так спокойно, как будто гулял по бульварам».

Роман «Голова профессора Доуэля» и ряд других книг А. Белыева давали повод некоторым критикам говорить о «мрачности» его фантастики. Действительно, многие произведения Белыева как бы обрываются на грустной, алегрической ноте: окончательно гибнет Доуэль, Иктиандр обрекает себя на долгие морские скитания. Нередко и само научное открытие, казалось, сузившее благо, так и не используется на пользу общества, а иногда обращается в страшную разрушительную силу. (Знаменательно, что в романе «Продавец воздуха» выведена фигура авантюриста Байли, пытающегося уничтожить человечество с помощью водородного взрыва.)

Да! Обстановка беллевских романов мрачна. Но ведь такова капиталистическая действительность, о которой пишет А. Белыев, где гениальные открытия обращаются подчас против человека и даже против самого автора смелой гипотезы. И все же в конце концов пафос той же «Головы профессора Доуэля» — торжество творческого начала, духовное банкротство и гибель Керн.

А судьба Иктиандра? Да, он несчастлив. Дар, который он получает из рук науки, — способность плавать подобно рыбе в глубинах моря, — не приносит ему радости. На берегу юный изобретатель Иктиандр задыхается не только потому, что ему после перенесенной операции легче дышится в океанских стихиях. Главное здесь — столкновение с миром стяжательства, обмана и корысти, который преследует, травит его. В разрыве Иктиандра с обществом, угловившим ему жалкое прозябанье в тюремной камере, над маладущим бегством. От мра мещанства и кособокости он возвращается в свободу — в «мир тревог и битв».

Все это позволяет утверждать, что книги А. Белыева лишены мрачной безысходности. Конечно, им чужда тревожная лучезарность концовки иных фантастических романов, озаренных безмятежным сиянием счастливых звезд. Но ведь оптимизм подлинного искусства не в этом. За поступками и помыслами его героев мы всегда чувствуем большую оптимистическую идею, видим торжественную мысль, смелого человеческого духа.

В этом секрет долготелости беллевской фантастики. В этом победа крылатого искусства над бескрылой иллюстративностью. И еще раз просматривая схемы, веди за работой друг друга перекрестный контроль с «пристрастием». К исходу последних суток, когда все уже было готово, но урочный час еще не наступил и каждый боялся свалиться с ног от усталости и уснуть, механики Владимир Зуев — единственный коммунист среди комсомольцев группы стратегических исследований, комиссар как его все тут называют, — прине в общестные киноаппарат. Фильм выбрали большинством голосов и смотрели его, лежа на койках. Картина была старой, но мелкаянькие знакомые кадры на стене действовали на всех успокаивающе.

В час запуска весь поселок высыпал на берег. Беззвездная тьма окутывала остров. Стартовая площадка едва проглядывалась, каждый напрягал зрение, чтобы не пропустить близкое мгновение, стоявшее всему коллективу таких сил и труда. Когда дала стартовый ангар вдруг ослепительно вспыхнул, то ракета, с гулом и грохотом возникшая из этого пламени и стремительно пошедшая вверх, не вписала в аспидное небо свой яркий след, как того все ожидали: ее моментально скрыли низкие облака. Это было последнее ухищрение Арктики, которая, должно быть, просто не могла не досадить людям, сумевшим просверлить ее загадочное небо. Научный результат, переданный приборами на землю, был превосходным.

С той поры ракета не раз с быстротой нарастающей силой устремлялась в небо. Арктика, побежденная натиском науки, чаще всего уже не ставит облачную завесу. Когда ракета как бы растворяется в зените, с земли прекрасно видно, как через какой-то срок в холодной тишине вдруг вспыхивает оранжевый комочек параюта, на котором опускается контейнер с приборами для измерения температуры и давления воздуха.

Трудная, самообвешная работа идет в эти часы у аппаратов. На дворе мороз, окна радиотелеметрической лаборатории задернуты льдом, здесь, как и жарко. Самушкин сорбил верхнюю рубашку, припал к окуляру аппарата. Звук взрыва к нему не доносится, и Самушкин не знает, как выглядит ракетный запуск, если наблюдать за ним со стороны. Но с того момента, как селевые вытеки по-

особенно роману «Голова профессора Доуэля». Здесь столкновение двух направлений научной мысли, двух наук — той, что служит благо человека, и другой, губительной, вредоносной, — выступает с особой силой. Яркое показан изобретение «сальериизма» коварной бездарности Керн. Даже умертвив своего учителя, талантливое хирурга, присвоив его открытие, Керн заставлял и дальше работать на себя голову Доуэля. Керну глубоко неизвестно само имя бывшего научного руководителя. Ведь каждый день существования головы Доуэля, любая оригинальная мысль, высказанная ученым, ежeminутно напоминают олюбленному завистнику о его собственной бездарности.

Да, Керн сам не в состоянии творить или хотя бы продолжать то, что претерпело Доуэлем. В этом Белыев как бы видит мертво бесплодие той науки, которую рассчитывал индивидуалист стремиться использовать для собственного возвышения. Не проиния ли? Первый же «оживленный» им пациент выходит у него из повиновения. Даже у пустой, недалекой певички жалка человеческой свободы оказывается той силой, перед которой падает Керн, в мечтах своих уже поставивший на колени человечество.

Керн «обезглавил» Доуэля еще до начала романа. Между тем именно Доуэль является как бы олицетворением творческих сил науки, ее самоотверженного служения людям. Керн же, в сущности, не более как холодный, бездушный манекен. Недаром так прочно «вписывается» его портрет в панораму огромного моря, где при «матовом свете» Керн чувствовал себя «так спокойно, как будто гулял по бульварам».

Роман «Голова профессора Доуэля» и ряд других книг А. Белыева давали повод некоторым критикам говорить о «мрачности» его фантастики. Действительно, многие произведения Белыева как бы обрываются на грустной, алегрической ноте: окончательно гибнет Доуэль, Иктиандр обрекает себя на долгие морские скитания. Нередко и само научное открытие, казалось, сузившее благо, так и не используется на пользу общества, а иногда обращается в страшную разрушительную силу. (Знаменательно, что в романе «Продавец воздуха» выведена фигура авантюриста Байли, пытающегося уничтожить человечество с помощью водородного взрыва.)

Да! Обстановка беллевских романов мрачна. Но ведь такова капиталистическая действительность, о которой пишет А. Белыев, где гениальные открытия обращаются подчас против человека и даже против самого автора смелой гипотезы. И все же в конце концов пафос той же «Головы профессора Доуэля» — торжество творческого начала, духовное банкротство и гибель Керн.

А судьба Иктиандра? Да, он несчастлив. Дар, который он получает из рук науки, — способность плавать подобно рыбе в глубинах моря, — не приносит ему радости. На берегу юный изобретатель Иктиандр задыхается не только потому, что ему после перенесенной операции легче дышится в океанских стихиях. Главное здесь — столкновение с миром стяжательства, обмана и корысти, который преследует, травит его. В разрыве Иктиандра с обществом, угловившим ему жалкое прозябанье в тюремной камере, над маладущим бегством. От мра мещанства и кособокости он возвращается в свободу — в «мир тревог и битв».

Все это позволяет утверждать, что книги А. Белыева лишены мрачной безысходности. Конечно, им чужда тревожная лучезарность концовки иных фантастических романов, озаренных безмятежным сиянием счастливых звезд. Но ведь оптимизм подлинного искусства не в этом. За поступками и помыслами его героев мы всегда чувствуем большую оптимистическую идею, видим торжественную мысль, смелого человеческого духа.

В этом секрет долготелости беллевской фантастики. В этом победа крылатого искусства над бескрылой иллюстративностью. И еще раз просматривая схемы, веди за работой друг друга перекрестный контроль с «пристрастием». К исходу последних суток, когда все уже было готово, но урочный час еще не наступил и каждый боялся свалиться с ног от усталости и уснуть, механики Владимир Зуев — единственный коммунист среди комсомольцев группы стратегических исследований, комиссар как его все тут называют, — прине в общестные киноаппарат. Фильм выбрали большинством голосов и смотрели его, лежа на койках. Картина была старой, но мелкаянькие знакомые кадры на стене действовали на всех успокаивающе.

В час запуска весь поселок высыпал на берег. Беззвездная тьма окутывала остров. Стартовая площадка едва проглядывалась, каждый напрягал зрение, чтобы не пропустить близкое мгновение, стоявшее всему коллективу таких сил и труда. Когда дала стартовый ангар вдруг ослепительно вспыхнул, то ракета, с гулом и грохотом возникшая из этого пламени и стремительно пошедшая вверх, не вписала в аспидное небо свой яркий след, как того все ожидали: ее моментально скрыли низкие облака. Это было последнее ухищрение Арктики, которая, должно быть, просто не могла не досадить людям, сумевшим просверлить ее загадочное небо. Научный результат, переданный приборами на землю, был превосходным.

С той поры ракета не раз с быстротой нарастающей силой устремлялась в небо. Арктика, побежденная натиском науки, чаще всего уже не ставит облачную завесу. Когда ракета как бы растворяется в зените, с земли прекрасно видно, как через какой-то срок в холодной тишине вдруг вспыхивает оранжевый комочек параюта, на котором опускается контейнер с приборами для измерения температуры и давления воздуха.

Трудная, самообвешная работа идет в эти часы у аппаратов. На дворе мороз, окна радиотелеметрической лаборатории задернуты льдом, здесь, как и жарко. Самушкин сорбил верхнюю рубашку, припал к окуляру аппарата. Звук взрыва к нему не доносится, и Самушкин не знает, как выглядит ракетный запуск, если наблюдать за ним со стороны. Но с того момента, как селевые вытеки по-

В СТИХОТВОРЕНИИ «Родник» Владимир Савельев обращается к поэту-современнику, увлекшемуся «всеотрицательностью модной»:

Да как ты только смеешь быть холодным, Родник, начало взвизнул из земли?

Больше всего на свете молодой поэт не терпит равнодушия. Он по-партийному пристращен, когда размышляет о жизни и целях современников. В стихотворении «Рождение человека» Савельев утверждает, что с появлением на свет человека еще не родился, а всего лишь «родилась надежда на него».

И лишь когда с упорством и терпением себя к труду привыкает он наек, Его поздравить можно с днем рождения — Родился настоящий человек!

Мастер Саратовского судоремонтного завода в недавнем прошлом и студент II курса Литературного института в

ЗАВОД

Трубу раскуривал завод, Цехами горизонт раздвинул, Где было дел невпроворот, Где кран ломал над грузом ступню. Где, ошибаясь,

чтоб опять К работе приступить сначала, Мы научились понимать Язык упрямого металла. Где выгорала робость,

где Нам было радостно трудиться, В стальных деталях, как в воде, Своим рассматривая лица.

НЕСЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ

Паришка стружкой палец подаривал. Сходить в санчасть? А то пройдет и так!

Он кровь смахнул движеньем резинки на пол: «Подумаешь, паранья! Пустяки!» Включил стаянок и принялся за дело. И вновь режет повел свою между.

А девушка напротив побледила: «Дай палец, я тебе переажу! Переажу не хуже, чем в санчасть. Вот только руки вымою сперва». У паренка кружится голова. Не от потери крови, а от счастья.

ЛЕГКАЯ РУКА

Так всегда в народе говорили, Так уж повелось у нас от веку: Раз дела нелегкие под силу — Легкая рука у человека.

На руках рабочих вздулись вены, Мышцы затвердели, словно камень. Нелегко и ложку после смены Удержать тяжелыми руками. Нелегко порой переодеться: Все-таки берет свое усталость, Но зато легко-легко на сердце: Тяжестью-то, она в руках осталась. Знаю я, как парни молодые Первые мозоли набивают. У рабочих руки золотые — Разве ж легким золотом бывает?

ЛИТЕРАТУРНАЯ ХРОНИКА

В СОЮЗЕ ПИСАТЕЛЕЙ СССР Секретариат правления Союза писателей СССР удовлетворил просьбу К. М. Симонова об освобождении его от обязанностей главного редактора журнала «Новый мир». Главным редактором журнала утвержден А. Т. Твардовский.

Секретариат правления Союза писателей СССР утвердил комиссию по литературному наследию драматурга Бориса Сергеевича Ромашова. В состав комиссии вошли: А. А. Первенцев (председатель), Г. Д. Мдивани (зам. председателя), жена покойного писателя А. А. Ромашова, народный артист СССР Н. В. Петров, И. Л. Вишневская, В. Ф. Пименов, А. Л. Острогорский, В. И. Завилина, И. П. Курпиров.

ТВОРЧЕСКИЕ ВЕЧЕРА ЛИТЕРАТОРОВ Союз писателей Узбекистана начал проводить творческие вечера писателей. Недавно состоялся вечер поэта Мамарасула Бабаева.

ПОЕЗДКА НА СЕВЕР Больше месяца пробыл в Арктике молодой писатель Андрей Меркулов. За это время он продел ряд бесед на темы литературы и искусства, выступая перед коллективами полярных станций и аэропортов, на дрейфовых станциях «СП-7».

«ТЕМА РОДНОГО КРАЯ В МЕСТНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ» Этому вопросу было посвящено недавно собрание в г. Кирове. Члены Союза писателей, участники литобъединения, краведы внесли ценные предложения по усилению участия Кировских литераторов в освещении жизни края.

СЕДЬМОЙ ЕЖЕГОДНИЙ Седьмой ежегодный семинар молодых авторов проведен в Ленинграде. В обсуждении произведений приняли участие Ян Судрабялис, Мирда Кемпе, Ян Ниедранк и другие молодые литераторы. Участники семинара прослушали доклады о писательском труде, лекции о важнейших проблемах латышской советской литературы и о современной иностранной литературе.

Наши зарубежные гости

По приглашению Союза писателей, в СССР гостит несколько делегаций зарубежных литераторов.

На месяц приехали в СССР венгерские литераторы Янош Феллек и Ласло Геррейш. Их интересуется деятельность Союза писателей и Литературного фонда СССР, работа издательства и типографии. После знакомства со столицей они выехали на Кавказ, посетили Тбилиси, Сухуми и Ереван. Впереди — поездка в Ленинград.

Три недели гостят в СССР болгарские писатели Камен Калчев, Иван Буриш, Александр Муратов и Чудомир. Они побывали в Ясной Поляне, в Станкинской даче, на заводе малолитражных автомобилей и, как большинство гостей, выразили желание посетить Кавказ.

На полтора месяца приехали к нам корейские литераторы Чон Сон и Пак Сын Гук. Особенно волнующей была для них поездка в Среднюю Азию, где им довелось две недели прожить в корейском колхозе. Гостей встретили, как родных. Только что отбыла на родину большая группа писателей Германской Демократической Республики в составе Генрика Кайша, М. Новака-Нейма, П. Кернера-Шрадера, Р. Петерсхагена, Г. Байера. В течение трех недель гостили они в нашей стране, знакомясь с жизнью советских людей, их работой и бытом. В ближайшее время за границу выезжает большая группа советских литераторов.

Стихи Владимира Савельева

настоящее время, Владимир Савельев больше всего пишет о человеке труде и его большой созидательной работе.

Труд для молодого поэта — не только дело чести, но и насущная потребность, без которой и радость не в радость, и жизнь не в жизнь. Может быть, поэтому с таким наслаждением пишет Савельев о рабочих днях своего родного завода, о пародах, которые они так любимо ремонтируют.

Молодой поэт не терпит людей отбывшихся, людей, под разными предлогами отлынивающих от посильной общественно-полезной работы.

Владимир Савельев несет в советскую литературу свою интересную тему. Ему еще много предстоит поработать над совершенствованием формы своих стихов. За учебу в Литературном институте он взялся горячо, и я от души желаю молодому поэту доброго пути!

Вас. ЖУРАВЛЕВ

БОЛЬШЕ ОДНОАКТНЫХ ПЬЕС

Вл. ПИМЕНОВ

АВТОРЫ одноактных пьес часто жалуются, что произведения их ставятся только в коллективах художественной самодеятельности, что в профессиональные театры одноактная пьеса дорога закрыта. Об этом же пишут и критики. Все это, несомненно, верно. Но нам бы хотелось сказать драматургам и критикам, что именно в прямом, непосредственном общении драматургов с людьми, исполняющими одноактные пьесы, людьми, практически решающими сегодня трудные судьбы страны, и заключены особая специфика одноактной драматургии, ее воспитательное значение. То, что многие считают бедой одноактной драматургии, как правило, ограниченной рамками художественной самостоятельности, на самом деле составляет ее силу. Это вовсе не значит, что мы отрицаем важность и подтверждение встречи профессиональных театров с одноактной пьесой, что мы против помещения лучших одноактных пьес в толстых журналах. Речь идет только о том, что не слабость и бедность одноактной драматургии, а ее близость к народу и к жизни, ее общность с жизнью, ее неразрывная дружба авторов одноактных пьес именно с художественной самодеятельностью.

Советская одноактная пьеса возникла в огне гражданской войны как страстный борец и талантливый агитатор за дело партии, за дело народа. Эта гражданская страсть всегда отличала наши одноактные пьесы, среди которых многие пользовались такой же популярностью, как и лучшие наши многоактные драматические произведения. Вспомнивая о «Липочке» Погодина, «Твоей песне» Гусева, чудесных пьесах-новеллах Яльцева, о «Талых водах» Паустовского, «Свитере с оленями» Глебова, о пьесах Ульяничского и Алупкина, мы говорим, по существу, о большой литературе, где количество актов никак не определяет идейной и художественной ценности произведения.

найти такую пьесу, где бы высокие идейные достоинства сочетались с не менее высокой художественной формой?

Думается, что и одноактной драмы коснулись то общее отставание нашей драматургии от запросов народа, которое активно преодолевается сегодня нашими литераторами. Драматургам, работающим над одноактными пьесами, необходимо твердо помнить, что оторванность от жизни, скудность, лишняя мысль эмпирика не принесут им успеха. Успех ждет их там, где человек труда в их пьесах узнает себя.

Авторы одноактных пьес должны активно помогать нашей теории, которые много вздыхают над несчастными «одноактиниками» и мало разговаривают с ними всерьез. Стоит, нам кажется, чаще издавать сборники одноактных пьес. Интересен в этом смысле, например, недавно вышедший в издательстве «Советская Россия» сборник, где помещены одноактные драмы и пьесы советских авторов — от знаменитых этого рода литераторов до ныне действующих драматургов.

Мы говорим об этом сейчас в связи с объявленным недавно Всесоюзным конкурсом на лучшую одноактную пьесу о советской молодежи и комсомоле.

Конкурс не только должен дать самодеятельности, издательствам и театрам новые интересные произведения, он должен стать большой школой народных талантов, помочь оживлению работы наших профессиональных литераторов, поднять уважение к жанру одноактной драматургии.

Конкурс на лучшую одноактную пьесу объявлен в связи с 40-летием комсомола.

Организаторы конкурса — Министрство культуры СССР, ЦК ВЛКСМ и Союз писателей СССР должны широко популяризировать идею конкурса.

К сожалению, в организационном отношении пока далеко не все обстоит благополучно. По условиям конкурса проходит в два тура. Первый тур продлится в областях, краях РСФСР, союзных республиках по 1 августа, а второй, заключительный, в Москве — по 1 сентября. Но до сегодняшнего дня работа в республиках почти не развернута. С большим опозданием объявлены условия республиканских конкурсов.

В творческих союзах вопрос о конкурсе на одноактную пьесу совсем не проработан, и даже не был обдуман в отношении к сборникам писателей. Не включены в подготовку к конкурсу также литературные объединения в вузах, где много молодых начинающих литераторов.

Времени осталось мало. Органам Союза писателей пора заняться конкурсом на одноактную пьесу, важность и своевременность которого очевидна.

Будем требовательны к себе!

Творческая конференция литераторов Адыгеи

ДАЛЕКО за пределами маленькой Адыгеи знают стихи ее поэтов М. Паранку, К. Жанэ, А. Гадатля, С. Якутия, И. Машбаша. И разве не знаком читателю с рассказами, повестями и романами Т. Керашева, А. Евтыха, Д. Костанова, Ю. Тлюстенана, Х. Ашинова? А на смену этим именам в молодой адыгейской литературе растет пополнение, пробующее свои силы в разных жанрах...

Творческие успехи литературы адыгейского народа, до Великой Октябрьской социалистической революции не имевшего своей письменности, — один из ярчайших примеров бурного роста культуры всех народов СССР, и больших, и малых. И естественно, что об этих успехах с гордостью докладывал Ю. Тлюстенан на творческой конференции литераторов Адыгеи, состоявшейся на днях в Майкопе.

Но странное дело: почти все выступавшие в прениях упрекали ответственного секретаря областного отделения Союза писателей за доклад. В чем дело? Почему доклад вызвал критику? Разгадка — это еще одно свидетельство того же роста и возмужания адыгейской литературы.

Вот слова К. Жанэ: «Литература наша окрепла, приятно подчеркнуть ее достижения. Но нам нужно серьезнее анализировать недостатки, глубже говорить о том, что еще не сделано. Бесконечные же вопросы по поводу сделанного, похвалы и дифирамбы могут усыпить, а не мобилизовать творческие усилия литераторов на решение новых задач. У нас пока нет заметных произведений о своем рабочем классе, нет пьес о современной жизни, нет хороших песен. Мы плохо связаны с народом, не общаемся со своими читателями. Мы часто стесняемся сказать друг другу правду в глаза. Не растим мы и своих литературных критиков. Все это серьезно тормозит наше дальнейшее развитие».

С тревогой отмечал М. Паранку отставание жанров драматургии. Это обдвигает литературу, наносит урон делу воспитания трудящихся. Оратор говорил также о творческих командировках от них, нужно постоянное общение с народом, активное участие в его жизни, а не просто поездки литераторов за «материалом».

На конференции отмечалось, что московские издательства не выполняют решения секретариата правления Союза писателей СССР и Оргкомитета Союза писателей РСФСР об издании книг адыгейских писателей.

На протяжении многих лет... заявил молодой поэт И. Машбаш, — у нас произносятся одни и те же слова, называются одни и те же имена, перечисляются давно известные произведения. А что произошло в нашей организации за время между двумя съездами писателей, какие новые произведения

написаны, что в них положительного и каковы недостатки? Конечно, вспомнить историю нашей литературы надо и полезно, но следует оценивать сделанное нами сегодня и смотреть вперед.

Оратор говорил о том, что в адыгейской литературе не развивается сатира, писатели относятся к этому жанру пренебрежительно. Многие литераторы увлекаются историческими темами и очень слабо интересуются темами современности. И. Машбаш предупредил руководителей отделения Союза писателей за то, что они не организуют вместе с научно-исследовательским институтом творческих дискуссий по важнейшим проблемам литературы.

Заслушавший деятель искусств РСФСР главный режиссер областного театра М. Ахеджиджан критиковал отделение Союза писателей за плохую связь с местными драматургами.

...В аулах и городах Адыгеи немало способной литературной молодежи. Но ни руководители отделения Союза писателей, ни опытные литераторы не уделяют постоянного внимания молодежи. Об этом говорил молодой поэт Х. Беретарь. Он поднял также вопрос о языке художественных произведений адыгейских писателей, на конкретных примерах показал, как отдельные авторы засоряют язык, увлекаясь ненужными диалектизмами. Х. Беретарь отмечал, что писатели старшего поколения плохо помогают литературной молодежи.

— Радость и гордость за успехи родной литературы, — сказал Д. Костанов, — не дает адыгейским писателям права проходить мимо серьезных творческих недостатков. В области выросли и растут крупные промышленные предприятия. Колхозники Адыгеи успешно решают великую, общенародную задачу — догнать и перегнать США по производству продуктов животноводства на душу населения. Коммунистическая партия воспитала миллионный отряд национальной интеллигенции. Но писатели отстали от замечательного роста адыгейского народа.

В обсуждении доклада приняли участие ответственный секретарь Краснодарского отделения Союза писателей В. Бакалдин, главный редактор журнала «Дон» М. Соколов, член Оргкомитета Союза писателей РСФСР поэт С. Михалков и другие. На конференции выступил секретарь Адыгейского бюро КПСС А. Аутлев. Были избраны писатели (ответственный секретарь отделения Ю. Тлюстенан) и делегаты на Первый учредительный съезд Союза писателей РСФСР.

Вл. ПОНДЕЛЬНИК (Наш спец. корр.)

МАЙКОП

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА № 77 28 июня 1958 г. 3

Николай ГРИБАЧЕВ,
специальный корреспондент
«Литературной газеты»

ПОСАДКА В АРГЕНТИНЕ

ПУТИ образного мышления причудливы и неисповедимы: двухсоткилометровой ширины водная гладь, разделяющая Уругвай и Аргентину, называется Рио-де-Плата, что означает в переводе «Река Серебряная». Весна возможна, что в этой звонкой метафоре наша свое выражение горячая мечта испанских конкистадоров, которые гонимы за серебром, как современные американцы за нефтью. На самом деле Ла-Плата — залив, а вода в нем рыжая.

Мы левый берег Ла-Платы увидели в быстро наступающих сумерках — за Монтевидео перекинулся бесцветный туман, сквозь асфальтные облачные хребты просвечивал кусок заката, похожий на оставшийся горн сельской кузины. «Воды кругом» — как в лирической поэзии, — заметил кто-то, и не без основания.

Потом, ушедшие на оформление виз для поездки в Аргентину, сравнивали мы в аэропорту местную минеральную воду с боржомом, а когда взлетели снова, был уже вечер. Осенняя, темная. Огонь Монтевидео растаял, как сахар в черном кофе, глубокая мгла окутала все над Ла-Платой — пощипало, что нас вложили в мягкий бархатный футляр. Через сорок минут мы были в Буэнос-Айресе, через сорок две нас сфотографировал у самолета местный фотограф, а через сорок восемь мы уже имели фотографии — по доллару за штуку. Трансконтинентальный и трансатлантический перелет своим мы заканчивали участием в самодеятельности на первом самолете в советском посольстве — «из самолета на бал». В Москве, учитывая разницу в шесть часов, наступало утро, и наиболее нетерпеливые собирались на демонстрации.

Праздничным был и Буэнос-Айрес, хотя и по другому поводу. В Латинской Америке часто можно услышать: «Европейцы агонистичны, они слишком заняты своими делами и нас знают по аргентинскому танго, бразильскому футболу и чилийскому гуано. Американцы самовлюблены, нам трудно найти общий язык». Насколько это верно? Не знаю. Обида всегда ходит рядом с превеликими, но и дыма без огня не бывает, — огромный материал от Панамского перешейка, от Караибского моря до мыса Горн, с непролазными джунглями Амазонки и снегами Патагонии, со своеобразным набором почв, ископаемых, флоры и фауны, с череполомацией политических климатов, безусловно вправе претендовать на большее внимание современников на всех других континентах.

Журналисты не к чему прилеплять на себя мантию пророка, но думается, что в гигантском чреве южноамериканского материка зреют многие важные события. На наш взгляд, имеет к этому известное отношение и праздничный Буэнос-Айрес: в правительственном Розовом дворце происходила в этот день передача власти новому президенту Фрондиси. Это был торжественный и заключительный шаг своеобразного перехода от диктатуры Перона к буржуазной демократии, написавшей на своих знаменах требование национальной независимости, в том числе экономической. Стены Розового дворца и стены банка напротив испещрены пугалами — следы последнего восстания против диктатуры. Восстание против экономического диктата иностранного капитала проходит без огня и треска, но с не меньшей энергией. Последствия его аукнутся сильно и далеко, и не одна брава, подобно сейсмографу, зарегистрирует необратимые глубинные сдвиги.

Любой аргентинец понимает, что процесс начался и остановить его невозможно. Много ли нефти, например, нужно артистке танцевальной группы или студенту? Но артистка заявляет: «Нефть должна принадлежать нам!» Центральный совет социалистической молодежи Аргентины проводит митинг под лозунгом «Молодое поколение защищает национальную нефть», а полиция в Ла Пасе, столице Боливии, приходит в восторг стражей со студентами, которые устраивают бунт против сдачи в концессию американ-

цам нефтяных месторождений. Существует хохотное выражение — «масас бурлат». В этот осенний майский день, солнечный и со свежим ветерком, в Буэнос-Айресе бурлили умы и сердца, полные надежд, но не лишены и опасений.

Между тем в маленьком, а зеркальными дверями зале Розового дворца толпились корреспонденты всех стран, обвешанные аппаратами всех систем фотокорреспондентов, дипломаты, представители политических партий, разноцветные ламы и мажордомы в золотых галунгах, похожие на самодержцев. Передача власти и присяга министров новому президенту происходила в такой демократической обстановке, что не было повернуться с автоматической ручкой. Зал, как молчаливый, до балкона и потолка озарялся фотослэшниками. Курши, бросая окурки на паркет, шикали на вице-президента США Никсона, который ухитрился опоздать и локтями прокладывал путь к своему креслу в пустующем месте, долго аллодирировал президенту Фрондиси, возмущенному и атакованному поздравлениями. Полнейские, образованная бронированная орбита, провозаки к машине в прямом и переносном смысле уходящего президента Арамбуру — он возглавлял правительство между Пероном и Фрондиси. Сторонники кричали — «Баск все-таки сделал свое дело!» — и наиболее рыжие из них лезли под машину и под ноги лошадей. Кошная полиция приводила их в состояние политического равновесия, но очень осторожно поглаживая спины саблями — плашмя, размещая. Противники Арамбуру свистели. Потом начался парад, более картинный, постановочный, чем военный: колышались белые и черные лошадиные хвосты на касках боливийских и парагвайских гвардейцев, мелкая белая гетры на ногах моряков, исполненных неперерабатываемого достоинства, шли с английскими автоматами мальчики из военной школы, капитан пехоты браво печатал шаг во главе своих молодых, но в то же время талантливо расквашенных со знаменитыми дамами. Все было просто, доверчиво, весело.

Всякий журналист рвется к прессе, ловушка утка к воде, — что бы понять даже маленький факт, нужно предварительно бросить взгляд на мир, а газеты как раз и дают такую высокую точку зрения, если только они не заросли сорняками дезинформации величиной с баобаб. Но именно газет и невозможно было достать в первомальском Буэнос-Айресе: последние дни апреля в аргентинской столице были днями «бастующих перьев», — журналисты отказались писать, требуя повышения заработной платы, а первого мая не вышли из машин печатники, ссылаясь на то, что они уважают международный день труда. Кстати, долгое время не удавалось нам посмотреть в Буэнос-Айресе и аргентинский кинофильм, — бастовали кинематографы. Как это ни странно, но первым фильмом, который мы увидели в Аргентине, был советский фильм «Дон-Кихот», шедро осмысленный аллодисменами на улице Барриестро, которую сами буэносайресцы называют аргентинским Бродвеем. Так как потом с тем же успехом шел этот фильм и в Сант-Иго, столице Чили, и как раз в нашем приезде, то кто-то шутил: «Путешествуем вместе с Никсоном и «Дон-Кихотом!» Разница состояла в том, что «Дон-Кихот» принимал превосходно, из уважения к испанскому народу и Сервантесу, а президента США Никсона — наоборот.

Третьего мая наши пути и пути Никсона пересеклись в одной точке. Еще когда мы шли минеральную воду в аэропорту Монтевидео, встречавшие нас уругвайские журналисты сказали: «Самым громким во встрече Никсона у нас был шум его собственного автомобиля». Рабочие мясолодобен предупредили: «Пусть лучше не показывается!» студенты университета, когда вице-президент выразил желание побеседовать с нами, заявили протест. Улетая из Монтевидео в Буэнос-Айрес, господин Никсон продемонстрировал свою государственную мудрость глубокомысленной фразой: «Свобода и независимость

Уругвай несовместимы с коммунизмом». Третьего мая в университете Буэнос-Айреса наша журналистская десятка прибыла спустя десять минут после того, как оттуда выбыл господин Никсон. Приезжал он туда с просветительской целью — прочитать лекцию об американской демократии и благах, которые несет она латиноамериканским странам, — но студенты предпочли остаться «во тьме невежества» по этому вопросу и слушать лекцию отказались. Когда подошли мы, возбужденные группы их еще толпились у подъезда и на лестнице. Приняли нас Рисиери Фрондиси, брат нового президента, ректор университета, и представители студенческой молодежи. Разговор пошел о взаимном интересном: нам рассказали о жизни, традициях, системе обучения и планах этого действительно внушительного и хорошо поставленного учебного заведения, нас спрашивали об организации высшего образования в СССР, студенческом самоуправлении, подготовке к научной деятельности. Поутру выяснилось, что в университете идет борьба «справых» и «левых». Произошла и короткая стычка. Один «самый правый из правых» с гордостью, простительной по молодости лет и слабости познаний о современном мире, прихватив тем, что их университет независим от государства, а советские — зависимы.

И что же дает вам независимость? — спросил Аджубей. — Мы боремся за стипендию. — А еще? — И собираемся строить общежития для студентов. — А что уже получили и построили? — Это у нас только в плане... Сам воспитанник МГУ, Аджубей рассмеялся: — Желая успеха вашей независимости! Что касается наших студентов, то они имеют и стипендию, и общежития. И гарантированную работу по специальности после окончания курса...

В каждом государстве университетская жизнь имеет свои особенности — они определяются историческими, экономическими, политическими факторами. Понимая это, не собирались лезть в дела университета Буэнос-Айреса со своими ключами и отвертками. Младоправный петушок не знал этого правила и, влобок, вскоморенный на просняной шлехе американской дезинформации прошлых лет, не читая, очевидно, признаний американской прессы эпохи спутников — прессы, которая вынуждена была признать превосходство советской системы образования... Не знал — и был, так сказать, общественно опинан — преподаватели улыбаясь, студенты смеялись. Но что спрашивать с аргентинского студента, если и некоторые наши братья совсем не так давно вдевали на кокетливую мелкорукавную фразеологию, как воробыш-первогодки на конопляную мякину?

Окончание беседы происходило на лестнице и на тротуаре, куда выслали парня и девушку, не понашившие в кабинет ректора. Шофер машины господина Никсона был участливее нашего — ему не пришлось столько томиться ожиданием на стоянке... В один из первых дней выяснилось, что мероприятия у нас больше не запланированы и идти нам, собственно говоря, некуда. Мы уже освоили кладбище богатых, с многочисленными фамильными склепами, похожими на одностоящие дворцы; съезди «домо» — аргентинский шашлык, кусок говяжьего мяса, заваренный на прутьях; осмотрели гигантский фikus, в тени которого могут отдохнуть человек двести-триста народу; напротив кладбищенской стены, испанской предвобранными лозунгами, вышли пила в ресторанчике «Забудь печаль». Вероятно, этот жизнерадостный лозунг и породил у нас мысль поуститься на поиски развлечения — сходить в варьете.

Мы видели варьете в Америке и Европе. В сущности, это страда, одинаково великая и безалаберная на том и другом континентах, — основной фактор ее «эстетического содержания», если так можно выразиться, составляет полуобнажен-

ные и почти обнаженные девичьи. В исполнении ценится не талант, а стать, как в коннозаводстве. И были мы приятно приятно поражены, что в пятикилометровом Буэнос-Айресе, городе и по типу своему, и по одежке жителей европейском, варьете носит совершенно особый характер. В полутемном зале за столиками собирается публика — можно получить напитки, но ничего больше; на стенах, подсвеченные скрытыми лампочками, с большим вкусом выполненные картины — силуэты на темы народной жизни; на небольшой эстраде артисты в национальных костюмах исполняют пол во гитар национальные песни или танцы — сабо, перикону, кукуру. Сидящие в зале, помогая исполнителям, дружно отхлопывают такт ладонями, иногда на сцену выходят танцевать и пять любители из публики. В конце представления артисты танцуют с платками цветов национального флага, раздаются крики: «Да здравствует родина!»

Варьете в любом варианте никто не станет рассматривать как жемчужину искусства. И все-таки варьете в Буэнос-Айресе тронуло нас и по-хорошему возмущало: каким бы ни было мастерство исполнителей, но оно выросло на благодатной почве народного искусства, охотно ринется к самодеятельности, чистоте чувства и патристичности, любовью к обычаям своего народа защищается от космополитичности и безалаберщины гологого эстрадизма, устанавливает душевный контакт с аудиторией. Унесли мы с этого представления теплые симпатии и к артистам, и к зрителям и потом, аллодируя танцам мальчиков и девочек в сельской школе и красавцев-парней под деревом обту в пампе, не раз вспоминали этот вечер.

Оберегать национальное искусство — значит оберегать в чистоте душу народа. Великое для мирового искусства рождается из общечеловеческого содержания, но обязательно в яркой национальной форме. Аргентина начинала нам нравиться. Только засыпать в деревне было трудно: в Буэнос-Айресе почти нет правых для автомобильного движения и почти нет регулировщиков, ездят с той скоростью, которая нравится, разбегаются на перекрестках, кто как сумеет и успеет. Поэтому часты столкновения, тем более, что наряду с современными машинами ходят и старые — с опасным ревматизмом в моторах и тормозных системах. И поэтому среди ночи под окнами не раз раздавался визг шин, стук и скрежет металла. Горожане, намекая на страсть аргентинцев к быстрой верховой езде, острят в адрес шоферов: — Гаучо на шевролетах!..

Впрочем, ездят здесь хорошо и на лошадях, и на автомобилях, и преимущественно хозяева машин, так как наемных шоферов мало — излишняя роскошь. Мы, исколесившие немало дорог в пампе и в горах, в ветро и дождь, — живые примеры свидетели... Вскоре у нас начались встречи с журналистами, литераторами, с самыми различными людьми в переполненных залах, когда целые вечера обсуждалась одна вопрос: «А как там у вас, в Советском Союзе...» Посадка в Аргентине превращалась в длительное путешествие по огромной и своеобразной стране, на территории которой можно разместить несколько европейских государств.

Вспомню, ясно сказать, что американская внешняя политика действительно находится сейчас на краю страшной катастрофы. Он откровенно заявляет, что «перспектива англо-американской высадки не кошмар журналиста, а суровая непосредственная возможность». Но к чему это приведет? Олсон отвечает, не колеблясь, — к катастрофе. Почему? Нет никакого смысла делать вид, что эту высадку будет поддерживать большинство населения, и «нет смысла делать вид, что применение в данном случае Англией и Америкой силы не будет грязным делом, которое может повлечь за собой длительные неприятности». Итак, «грязное дело», «катастрофа». Очевидно, что все усилия необходимо направить на то, чтобы ее избежать. Но нет. Олсон врут делает неожиданный вывод. Он говорит, что, если не вмешаться, «все залетит на воздух», подразумевая под «все» американскую политику на Ближнем и Среднем Востоке. Начав за улокой этой политики, он кончил здравящей в ее честь и призывает к интервенции. Как видно, мистер Олсон не усвоил в средней школе основных принципов логики. Но попытка переключить внимание обществу с планов кровавой интервенции в Ливане на приговор Имре Надю по степени важности уже спускается до уровня

детей дошкольного возраста. Ученики начальной школы уже не поверят, что мудрость и пророчество грядущей «катастрофы» в Ливане подтверждена будущими приговором. Осенью прошлого года, когда ООН обсуждала провокационный и лживый доклад «комитета пяти» по венгерскому вопросу, мне пришлось воочию убедиться, с каким презрением отзывались венгры о маневрах западных держав. «Мы решим все свои дела сами, без вмешательства Запада», — говорили представители самых различных слоев населения — рабочие, крестьяне, инженеры, писатели. Молодой чешский токарь Жеде Шом, выражая настрояние подавляющего большинства венгров, сказал мне: «Все, что написано в докладе, — вранье, на самом деле было все иначе». Внешние сообщения из Венгрии свидетельствуют о крайнем возмущении народа истерией, организованной после будущего приговора.

Венгерский народ пользуется поддержкой всех тех, кто искренне заинтересован в коренном улучшении международной атмосферы. Индийская газета «Дей таймс» резко критикует западные державы за их клеветническую кампанию в связи с приговором Имре Надю. «Уши западных держав», — говорит в заключении «Дей таймс», — густо обгажены кровью миллионов и миллионов ни в чем не повинных людей во всем мире, и эти страны, по меньшей мере, не имеют права протестовать против казни нескольких человек, которые, как это было доказано, действовали в ущерб подлинным интересам своей страны».

Шумиха вокруг будапештского приговора провалилась. Истинные цели ее организаторов разоблачены. Подобно пеллу Клааса, кровь, пролитая по вине измешников Венгрии, стучит в сердцах народов мира, предостерегает их от новых и новых попыток империализма, которые, действуя нечестными руками капиталистов типа Имре Надю, мечтают нанести ущерб делу мира, ущерб социалистическим странам — оплату мира во всем мире.

И этот путь — единственный отныне.

Иди вперед
По этому пути.
И ты поймешь душою
благодарной,
Что атом — наш помощник
легендарный,
Что мир —
Чудесно должен расцветить!

Иди вперед
По этому пути.
И ты поймешь душою
благодарной,
Что атом — наш помощник
легендарный,
Что мир —
Чудесно должен расцветить!

Иди вперед
По этому пути.
И ты поймешь душою
благодарной,
Что атом — наш помощник
легендарный,
Что мир —
Чудесно должен расцветить!

Иди вперед
По этому пути.
И ты поймешь душою
благодарной,
Что атом — наш помощник
легендарный,
Что мир —
Чудесно должен расцветить!

Иди вперед
По этому пути.
И ты поймешь душою
благодарной,
Что атом — наш помощник
легендарный,
Что мир —
Чудесно должен расцветить!

Иди вперед
По этому пути.
И ты поймешь душою
благодарной,
Что атом — наш помощник
легендарный,
Что мир —
Чудесно должен расцветить!

Иди вперед
По этому пути.
И ты поймешь душою
благодарной,
Что атом — наш помощник
легендарный,
Что мир —
Чудесно должен расцветить!

Иди вперед
По этому пути.
И ты поймешь душою
благодарной,
Что атом — наш помощник
легендарный,
Что мир —
Чудесно должен расцветить!

Иди вперед
По этому пути.
И ты поймешь душою
благодарной,
Что атом — наш помощник
легендарный,
Что мир —
Чудесно должен расцветить!

С ЕГОДНЯ мы знакомим наших читателей с прогрессивной поэзией современной Японии. Движение за мир, охватившее страну, вызвало необычайный подъем народного творчества. Звучали «Поющие голоса Японии» — замечательные народные хоры. Поэтические кружки, во множестве возникшие на заводах, в шахтах, в деревнях, выпускают кустарным способом небольшие книжечки стихов. Лучшие стихи вошли в такие сборники, как «Смертоносный пепел», «Песни мира», «Песни Хиросимы» и другие. В этих сборниках выступили впервые поэты из народа Акими Цукимура, Иосино Макино, Сусуму Номати, Мицуэ Хиросэ. Большой популярностью пользуются в Японии стихи бывшего узника фашизма Хироси Нуяма, автора известного сборника «Амгаса». Трагические по теме, они окрылены волей и победой. Широко известен Даюн Таками — писатель старшего поколения, автор нескольких повестей о судьбах японской интеллигенции. В 1950 году вышел сборник его лирических стихов «Дерево». Тонкое восприятие природы сочетается в них с глубокими философскими раздумьями.

В прогрессивной японской поэзии сегодня звучат ноты скорби и гнева: она протестует во имя жизни против черных сил войны.

Иосико МАКИНО
Ц В Е Т Ы
З А В Т Р А Ш Н Е Г О
Д Н Я
Из океанских вод,
Где рыбаки
Трудились в дни богатой лова,
Поднялся вестник
Смерти и тоски,
Осыпав пелом наши кровли.

Наш светлый край,
Где дышит и жавем,
Он помертвел
от черного угара.
Нас сотрясает
отдаленный гром,
Взрывной волной
Повторные удары.
Ночь.
Под ногой хрустит
промерзший наст.
Во тьме вспорхнула
вспугнутая птица.

И даль,
И где,
Малиновой чертой
глядит на нас.
На полигонах Саппоро*,
В лесах
Трек пулеметов, колющий и
жесткий,
И самолетов след —
Высоко в небесах
Скрестились бледные полоски.
Мы всех зовем, и всем
Указываем путь,
Пока не все еще ослепли,
На небо в смертоносном пелле,
На мареве
Сгущающейся тьмы.

Весенний дождь
Уже не радует сердца,
Он не лезет живое косит,
Он раненых томит
И без кони
Им ранны новые наносит.
И все, что прежде
Радовало глаз,
Теперь, отравленное,
нам опасно.
И мы не верим
Даже в светлый час,
Что даль открытая прекрасна.

Нас гонят все быстрее,
Куда?
Ответа нет, никто не знает.
Так мчешься по асфальту
иногда,
Не чувствуя,
Как скорость нарастает.
Но в миг, когда нам кажется,
вот-вот
Оборван путь
И мы сорвемся с кручи,
Еще один — последний
поворот,
И утро,
Разрезая тучи,
Над бездной
Радужный возводит мост,
Мост Мира
Над слепой пустыней.
Пора решиться. Выбор прост.

* Город на о-ве Хоккайдо.

НАВСТРЕЧУ КОНФЕРЕНЦИИ ПИСАТЕЛЕЙ СТРАН АЗИИ И АФРИКИ
Стихи японских поэтов
И лететь, и хлещет с
ловением шумом
Черный, отравленный, едкий
дождь.
...Дети печальны, им все
нечесло,
Ужасом их сводилась полны.
Отцы и матери всего мира,
Верните детям
Счастливые сны!

Мицуэ ХИРОСЭ
Спустил полнотую тишину,
Забрызгал грязью поворот...
Грузовик, работающий на
войну,
Мчитя сквозь спящий город.

Сусуму НОМАТИ
Часовой мгновенно исчез в
огне,
Но тень его выжжена
ненаглядно...
Друзья, напишем на этой стене:
«Не допускаем новой
Хиросимы!»

Хироси НУЯМА
ЮНОШАМ
Своей тела крепите неустанно!
Пускай опорой для вас
Могучий дух
В час неизбежной, грозный
час.

Даюн ТАКАМИ
ЛЕГКОЕ
КОЛЕБАНИЕ
ЛИСТВЫ
Нет ветра. Не колыхается
листва.
Лишь там сверху, где брызжет
снега,
Концы ветвей качаются
немного.
Быть может, птичка скрылась
в глубине?
Но листьев беспричинная
тревога
Так сильно взволновала
сердце мне.

ПЕРЕВЕЛА ВЕРА МАРКОВА

НА ЗАРУБЕЖНЫХ ГАСТРОЛЯХ Триумф советского балета в Париже

...Б АЛЕТНАЯ труппа Союзов ССР дала два прощальных вечера в помещении парижского зимнего велодрома. Гигантский зал, рассчитанный на 10 000 мест, был переполнен до отказа, а вокруг велодрома наблюдался необычный затор уличного движения. Газета «Орор» назвала эту последнюю встречу советских артистов с парижской публикой достопамятным событием.

Подлинно восторженным приемом оказал Париж советскому балету как на прощальных концертах, так и на сцене «Гранд-Опера». Столичная печать полна отзвуками этого триумфа.

Представим слово парижским критикам. На следующий же день после первого представления «Ромео и Джульетты» газета «Монд» опубликовала этому балету две статьи: одну — танцу, другую — музыке. «Прекрасный вечер...», — так начинается первая статья. Вспомни волнение, царившее в зрительном зале, критик пишет, что трудно представить спектакль, более гармоничный и более совершенный по своему драматизму. «Музыка Прокофьева, — говорит автор второй статьи, — известный критик Ренэ Дюмениль, полна чудесного разнообразия, богатства и жизни. Она комментирует драму Шекспира, никогда не отделяясь надолго от текста...»

Два дня спустя та же газета писала о балете «Лебединое озеро»: «Сказка об Одетте-Одиле, женщине-птице, возлюбленной и волшебнице, поставленная Большим театром как поэма о любви, вполне понятная и способная тронуть сердце даже наименее чувствительных людей».

По мнению газеты «Либерасьон» балетные представления в Париже никогда еще не вызвали столь многочисленных и столь горячие взрывы аплодисментов и криков «браво» во время исполнения. «Долго ожидали мы приезда балетной труппы Большого театра, спрашивая себя, неужели она может быть более совершенной, чем труппа театра имени Станиславского, которую мы видели в театре «Шатле»! И, однако, всех взволновала действительность превзошла все ожидания... Это для нас наиболее захватывающее открытие в области славянского искусства».

«Большим, грандиозным спектаклем жизни и движения» называет балет «Ромео и Джульетта» и газета «Комба». «Какая необыкновенная тщательность в постановке, собственнотанцев и в исключительно выразительных жестах и движениях, — восклицает критик, — какие артисты, умеющие придавать каждой картине присущие ей стиль и атмосферу, и наконец, Галина Уланова, возвышающаяся над всеми! Мы никогда не видели более юной Джульетты, ни более чистой, ни более трагической, ни более волнующей и одновременно сдержанно драматичной в своей эволюции, превращающей в любовную женщину и в эпическую героиню. Чтобы все это передать, необходимо владеть языком духа и фей».

Таковы лишь некоторые отзывы французской печати о талантливых спектаклях балета Большого театра Союзов ССР. В них, этих отзывах, мысли сотен и сотен парижан, для которых гастроль советских артистов стала радостным, незабываемым событием.

Режиссер БЕРЖЕРОН ПАРИЖ, июнь

И. о. главного редактора В. ДРУЗИН.
Редакционная коллегия: М. АЛЕКСЕЕВ, Б. ГАЛИН, Г. ГУЛИА, П. КАРЕЛИН,
В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), Б. ЛЕОНТЬЕВ, Г. МАРКОВ,
Е. РЯБИЧКОВ, В. СОЛЮХИН.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: во вторник, четверг и субботу.

Адрес редакции и издательства: Москва И-51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм Москва, Литгазета). Телефоны: секретаря — К 4-04-62, разд.: литературы и искусства — Б 1-11-69, внутренняя информация — К 4-08-69, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммутатор — К 5-00-00.

Типография «Литературной газеты», Москва И-51, Цветной бульвар, 30.

Б — 0406.